

**ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ТИПОВ И ФОРМ ГОСУДАРСТВА
В КУРСЕ «ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ)**

Аннотация. Автор анализирует типы и формы государства в процессе исторической эволюции. Данная классификация рекомендуется быть примененной в курсе «Теории государства и права».

Ключевые слова: типы и формы государства; эволюция государства; основные факторы развития государства.

Abstract. The author analyzes types and forms of states in process of historical evolution. The given classification is recommend to be applied to the discipline of the Theory of State and Law.

Keywords: types and forms of states; evolution of state; main factors of state development.

В отечественной науке применительно к теории государства сложилось две крайности: **формационный и цивилизационный подходы**. Первая классификация общества и государства достаточно абстрактна, не всегда учитывает исторические особенности тех или иных стран и регионов. Второй подход, наоборот, излишне фрагментарен, неопределен и теоретически неубедителен [1]. Видимо, истина лежит где-то посередине и может быть раскрыта через так называемые **модели государственного развития**. Нельзя не согласиться с множественностью критериев выделения типов государств, в которых могут использоваться «географические и климатические факторы, степень сложности государств и правовых систем, характер их связанности с религией, степень свободы и независимости человека по отношению к государству, способ внутригосударственной организации и жизнедеятельности людей, уровень развития общей культуры и мировоззрения людей, способ производства материальных благ и характер их распределения и др.» [2]. Разумеется, ни один из этих факторов не является единственным или определяющим для классификации. Только их совокупность в состоянии описать ту или иную модель государства, из которой складываются их исторические типы. Вместе с тем можно допустить, что значения разных факторов в разные исторические эпохи неодинаковы: скажем, важность природных и климатических факторов на первых ступенях развития цивилизации была выше, а по мере укрепления производительных сил и снижения зависимости человека от природы она могла уменьшаться. Итак, для каждой эпохи (или формации) можно выделить несколько моделей, которые эту эпоху раскрывают более полно и всесторонне. Например, та же **древневосточная деспотия** (или рабовладельческое общество на Древнем Востоке) имела несколько вариантов развития. В **Древней Месопотамии** она исчислялась «срединными пропорциями», т.е. здесь государственно-деспотическое начало удачно корректировалось относительно высоким уровнем товарно-денежных отношений, вовлеченностью региона в международную торговлю. Долгое время при наличии автономного

типа ирригационных систем здесь преобладали города-государства. В **Древнем Египте** геополитическая изоляция и экстремальные условия разлива реки Нил в узкой долине, окруженной пустыней, стимулировали развитие и крайние формы деспотии, которая оставила о себе память в виде гигантских пирамид. **Древняя Индия** с ее многообразием природно-климатических зон и ландшафтов не представляла удобной площадки для создания гигантского централизованного государства. Кроме того, социальная жесткость местной ведистско-индуистской религии с лидирующей ролью жрецов-брахманов породила слабую с точки зрения централизации государственную конструкцию. В ней просто не было нужды, да она и не могла развиваться в условиях, когда варны, а затем касты сковали социальный организм общества. У Индии возникла бы иная альтернатива развития, если бы после смерти царя Ашоки в III в. до н.э. здесь укрепился бы буддизм с его относительно демократическим культом. Увы, этот шанс был потерян, и в эпоху Средневековья на Индостанском полуострове по-прежнему не смогло образоваться до середины XVI в. никакого единого общеиндийского государства. В **Китае** геополитическая изоляция в условиях благодатных природно-климатических условий оказалась благом: Китай долгое время был предоставлен сам себе, и здесь в конце концов сформировался моноэтнос хань, не обремененный социально-религиозными перегородками. Уже к концу I тыс. до н.э. в Китае сформировалась империя, в течение нескольких столетий продвинувшаяся далеко на юг, в бассейн реки Янцзы, стойкая к иноземным нашествиям и крепкая своей бюрократической рационализацией. Таким образом, мы видим, что древневосточная деспотия не является единой. Это абстракция, которую следует расшифровывать через множество региональных государственных моделей. Общими факторами для этих моделей являются природно-климатические и хозяйственные условия (табл. 1), дополняемые в ряде случаев факторами другого рода (этническими, религиозными и т.д.).

Таблица 1

Природно-климатические и прочие факторы
развития стран Древнего Востока

<i>Древняя Месопотамия</i>	<i>Древний Египет</i>	<i>Древняя Индия</i>	<i>Древний Китай</i>
Центральное положение по отношению к международным торговым путям	Окраинное положение	Окраинное положение и естественная замкнутость Индостанского полуострова	Окраинное положение
Города-государства	Высокоцентрализованное государство	Разрозненные локальные центры	Небольшие царства
Автономный тип ирригационных систем	Высокоцентрализованная ирригация	Ирригационное хозяйство	Естественное орошение
Хозяйственная открытость внешнему миру	Хозяйственная изолированность	Разные точки зрения по поводу развитости внешней торговли	Неразвитость внешней торговли

В то же время делают регионы и страны Древнего Востока генетически едиными два обстоятельства – деспотическое государство, взимающее налог-ренту с земледельческой общины, и достаточно примитивный, низкотоварный характер рабства. Вспомним, например, что первоначально огромным массам рабов просто неоткуда было взяться: закабалили либо впадших в бедность, либо провинившихся сограждан, а рабы-военнопленные были редкостью. В Древней Месопотамии при III династии Ура в конце III тыс. до н.э. подневольное мужское население – гуруши и нгеме – не были рабами в юридическом смысле слова, а были коллективным объектом государственной эксплуатации. «Все они земледельцы, носильщики, пастухи, рыбаки – были сведены в отряды (а ремесленники – в обширные мастерские) и работали от зари до зари без свободных дней... и все они получали стандартный паек – 1,5 литра ячменя на мужчину, 0,75 литра на женщину в день, выдавалось также чуть-чуть растительного масла и немного шерсти» [3]. Масса зависимого населения существовала и в Египте в период Среднего царства. Хемуу приписывались пожизненно к той или иной профессии на смотрах в молодые годы, и они давались в пользование храмам или знатным лицам с обязательством трудиться несколько месяцев в году на государство.

Мы не должны говорить и о единстве **античной эпохи**. Государственные образования в бассейне Средиземного моря также испытали на себе влияние геополитических и хозяйственных факторов. Отсутствие мощных рек с пологими плодородными берегами при наличии возможности морской торговли и ремесла создали основу для развития более высокого, чем на Древнем Востоке, уровня товарно-денежных отношений, что ограничило роль земледельческой общины и ресурсы централизованного государства. Предшественниками античной эпохи были **финикийские города** в Восточном Средиземноморье, начиная со II тыс. до н.э. управлявшиеся номинально местными царями, а реально – купеческой элитой. Главной хозяйственной цивилизацией городов было даже не ремесло, а торговля и морской разбой. Таким образом, никакого централизованного деспотического правления, типичного для Древнего Востока, здесь не было.

В I тыс. до н.э. берет свое начало собственно **античное общество**, главной чертой которого является **полисная рабовладельческая демократия**. Древнегреческие города-полисы возникают в условиях изолированности горных долин, многие из которых имеют выход к морю. Торгово-ремесленный характер древнегреческой цивилизации был выражен резче, чем для финикийских городов, а массовое деконцентрированное («штучное») использование рабского труда мелкими земледельцами и рядовыми ремесленниками давали этой цивилизации немалые экономические преимущества.

Откуда взялись эти массы рабов, достигавшие свыше четверти, а то и менее половины состава населения [4]? Их дали прежде всего успешные войны с Персией и «варварскими народами». Причем рассредоточенные по домам рядовых граждан рабы теряли возможность к эффективным восстаниям против своих хозяев. В то же время небольшие размеры городов-государств (в среднем 100–200 км² и с населением 5–10 тыс. чел.) предоставляли шанс для действительного развития демократических процедур. Например, в Афинах, которые являлись крупным полисом с населением 120–150 тыс. чел., существовало до 700 выборных должностей [5], а в народном суде присяжных (гелиее) участвовало еще 6 тыс. граждан.

Государство в **Древнем Риме** даже на самых ранних его этапах нельзя назвать полисной демократией ввиду явного и устойчивого доминирования здесь элиты, управляющей обществом олигархически и осуществляющей постоянную территориальную экспансию. Для роста города-государства на Апеннинском полуострове были подходящие природные условия: наличие обширного массива земель (в том числе и равнинного характера), обилие водных ресурсов в реках и озерах, в отличие от Древней Греции, что предопределило здесь высокое развитие сельского хозяйства при достаточном развитии ремесла и мореплавания [6]. Древний Рим, который быстро сумел заключить равноправные или неравноправные договоры со своими соседними племенами и городами [7], уже во II в. до н.э. вышел за пределы Апеннинского полуострова, доказывая тем самым, что он окончательно превратился в **имперскую демократию**. При этом данная модель государства имела следующие этапы своего развития: 1) «царская демократия» с выборным царем; 2) олигархическая псевдodemократия, трансформирующаяся в императорско-республиканскую автократию с режимами принципата и домината (рис. 2).

Рис. 2

При этом использование рабского труда отличается высокой концентрированностью (в отличие от Древней Греции) на средней рабовладельческой вилле и в крупной латифундии. Социальная поляризация и политическая нестабильность достигают в этом государстве более высокого уровня, что приводит при совмещении внутренних кризисов (экономического и политического) с внешним давлением варварских племен к краху всего государства.

Падение Западноримской империи обозначило уникальность античного государства, поскольку после этого события в течение многих-многих веков

аналогичных государственных форм в их даже псевдодемократическом варианте создано не было. Разлагающееся родоплеменное общество на европейском континенте хотя и частично использовало опыт античных цивилизаций, стало значительным шагом назад в отношении исторического прогресса. На воспроизводство античной демократии в той или иной форме не хватало материальных ресурсов; ей не соответствовали природно-климатические условия лесной и лесостепной зон; у варваров не хватало социального и культурного опыта для ее конструирования. В то же время на Востоке, где общественное развитие в условиях относительно материального благополучия шло эволюционно, происходило только усовершенствование прежнего деспотического государства, усложнение его функций.

Формирующийся в Европе **феодализм**, как и предшествующая формация, был многолик и даже, более того, сложен с точки зрения собственного развития (рис. 3).

Рис. 3

Раннефеодальные государства в Западной и Восточной Европе не были полностью идентичными друг другу. На Западе ощущалось влияние римского культурного и правового опыта: пришельцы-варвары и римляне жили рядом друг с другом. В Восточной Европе ее народы развивались самостоятельно в разной по степени благоприятствования природно-климатической обстановке. Например, Киевская Русь находилась на перекрестке международного пути «из варяг в греки», а Польша в геополитическом отношении в то же самое время жила изолированно. На Западе определенное культурно-политическое единство обеспечивала **империя Карла Великого**, после чего начинается становление моделей **сеньориальной монархии** (прежде всего французской и германской). Региональная специфика сократилась и на следующем этапе развития феодального государства, когда на смену вассально-сюзеренных отношений пришла **сословно-представительная монархия**, в которой рыцарство и горожане сплотились вокруг королевской власти. **Абсолютистская монархия**, возникающая в условиях кризиса феодализма, означала уже не частичное, а полное единение сословий вокруг трона, т.е. качественно новый шаг по пути государственной централизации. Однако и здесь Европа имела не одну, а множество моделей государственного развития: классическим по своим параметрам был французский абсолютизм, в Англии укреплению этого режима мешала ранняя коммерциализация дворянства и всего общества, сделавшегося реально независимым от монарха; в Германии, страдающей от сепаратизма, был не один, а множество княжеско-абсолютистских режимов [8]. Свои особенности развития государства имели и регионы Восточной Европы: для краткости напомним лишь, что российскому самодержавному варианту мало соответствовал польский вариант шляхетско-магнатского государства, который трудно назвать абсолютистским. Несколько более стабильным была полиэтничная слабоцентрализованная монархия Габсбургов, для которой был свойственен династический эгоизм и рыхлость государственного управления вплоть до середины XVIII в. [9].

Было бы заблуждением полагать, что все буржуазные государства сформировались посредством революций как насильственного политического переворота. Значительно чаще преобладал эволюционный путь, например, на основе динамичной коммерциализации феодальных отношений. Так, коммерциализированные раннебуржуазные государства в Нидерландах и Англии, несмотря на то, что на непродолжительное время были втянуты в революционные события, фактически от последних мало что получили для своего поступательного развития. Нидерландская революция второй половины XVI в. была на деле войной за национальную и религиозную независимость от Испании и мало что изменила в социальном строе страны. Нидерландский патрициат как до войны, так и после войны продолжал занимать ключевое хозяйственное значение. Английская буржуазная революция середины XVII в. также имела скромные социальные результаты: они выражались в окончательной утрате ленной зависимости дворянства от короны. Другой вопрос, что революция создала прецедент суда и казни над монархом, т.е. раскочаила политическую ситуацию и способствовала после 28-летней реставрации ослабевшего абсолютизма переходу к конституционной монархии.

В то время как Нидерланды и Англия в XVIII в. находились в авангарде общественно-политического прогресса, другие государства оставались либо полностью абсолютистскими, либо стремились провести реформы сверху от

имени «просвещенных деспотов». За пределами же Европы колонии белых переселенцев жили несколько иной жизнью. Испанские и португальские колонии Южной Америки хотя и повторяли общественно-политические нравы своих метрополий, имели более противоречивые результаты социальной и административной политики. В этих колониях возникла сложная по своему этнорасовому и социальному составу общество, которым не следовало руководить по жестким рецептам метрополий. Несколько более благополучная ситуация была характерна для английских колоний с высокой степенью зависимости от страны-учредителя (Великобритании). В английских Канаде и Австралии либо сформировался влиятельный компрадорский слой, не заинтересованный в общественном прогрессе и независимости, либо здесь население просто не обладало хозяйственными возможностями для автономного развития. Поразительным исключением было динамичное переселенческое общество Северной Америки к югу от Канады. Здесь уже к середине XVIII в. сложились предпосылки для экономической и политической независимости, которые были реализованы в ходе Американской революции 1770–1780-х гг. Возникшее здесь на основе тщательного компромисса в среде элиты молодое американское федеративное государство характеризовалось постоянно расширявшейся «низовой демократией». Успеху этого процесса способствовали удаленность бывших английских колоний от структур европейского феодализма, последовательная реализация принципа разделения властей в новом государстве и постоянное движение переселенцев на Запад, что ослабляло узы возможности административного давления. Уже в 1820-е гг. в США было введено всеобщее избирательное право для белых мужчин, намного раньше, чем в Европе, что обеспечило правовое подкрепление сложившихся ранее демократических традиций.

В колониях Южной Америки, ослабленных социально-экономическими и политическими противоречиями, революционный взрыв начала XIX в. против метрополии (Испании) во многом опирался на революционный прецедент североамериканских соседей. Однако созданная модель независимого государства была политически ослаблена таким явлением, как **каудилизм** (т.е. вождизм в лице разного рода помещиков и генералов), с его частыми государственными переворотами и неспособностью преодолеть экономическую отсталость. К северу от США, в Канаде, в середине XIX в. метрополия под угрозой утраты своей власти апробировала качественно новую модель взаимоотношений метрополий и колоний. Сконструированная форма доминиона с широкой автономией канадской буржуазии во внутренних делах была в начале XX в. воспроизведена в Австралии и Южной Африке.

В отличие от Американской революции, которая имела резонанс только в Западном полушарии, Великая Французская революция конца XVIII в. самым непосредственным образом повлияла на **делегитимацию** абсолютистских режимов в Европе. Они начали преобразовываться в результате серий революций или естественным, мирным путем. Возникшая модель буржуазно-демократического государства в условиях индустриализирующейся экономики была преобладающей в Европе. Более скромное место в численном отношении занимали буржуазно-авторитарные государства. После Первой мировой войны, которая деформировала систему международных отношений и вызвала внутривнутриполитическое напряжение как в стане побежденных, так и победителей, возникает феномен нацистско-фашистского государства (Италия,

Германия, Япония), который просуществовал недолго. Современное буржуазно-демократическое государство начиная с 1980-х гг. существует в условиях постиндустриальной экономики.

Как видим, процесс становления государства буржуазного типа отличается значительно большей сложностью, чем аналогичные процессы для государств предшествующих типов (рис. 4).

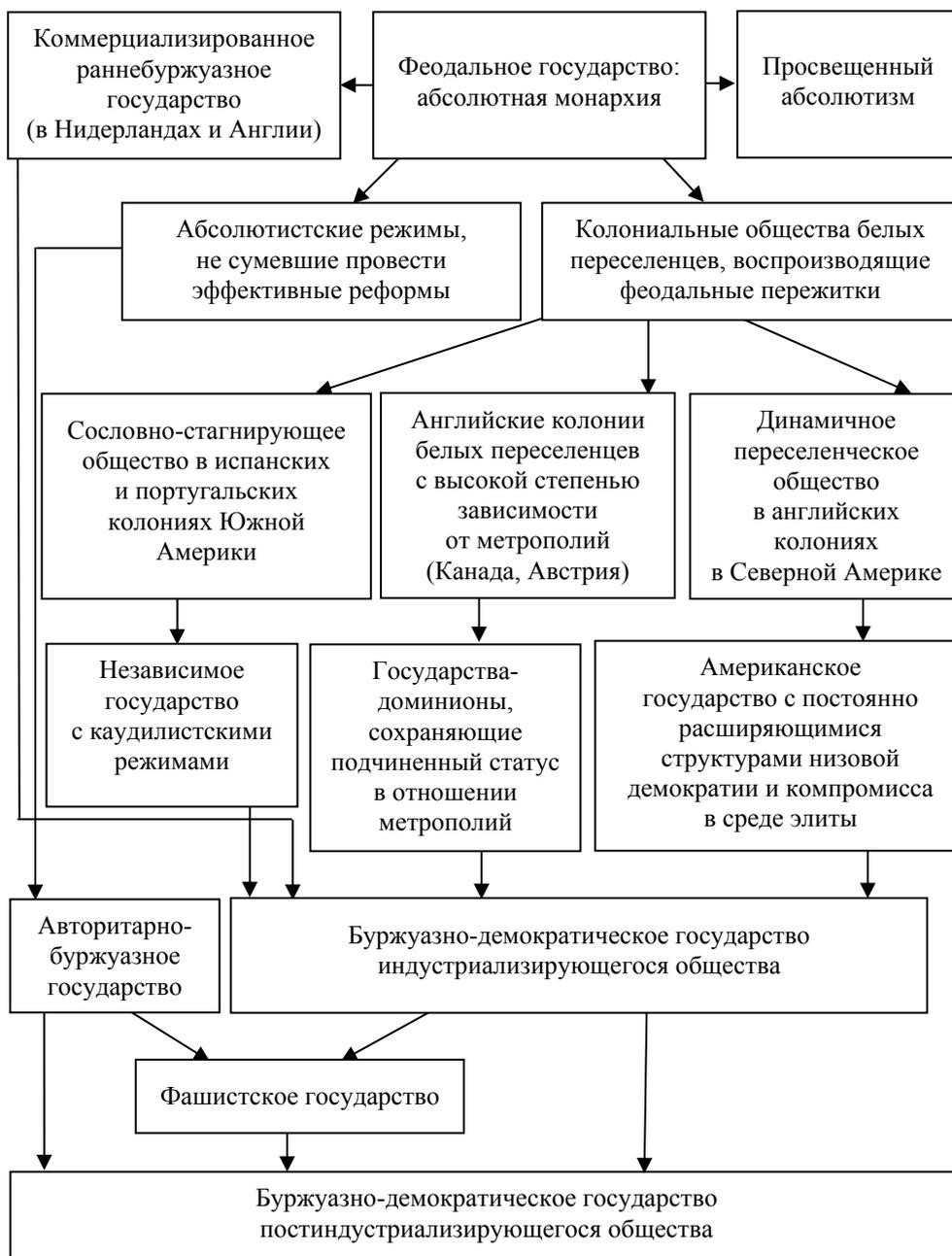

Рис. 4. Эволюция буржуазного государства на Западе

Социалистическое государство – это скорее идеал, чем реализованная реальность, но в то же время возникшие его модели на разных континентах и

в разное время также отличаются известной вариативностью (рис. 5). В целом мы полагаем, что существующий в настоящее время в дисциплине чисто типологический подход должен быть более интегративным и нести в себе рассмотрение моделей государственного развития, рассматриваемых также и через призму формы государства.

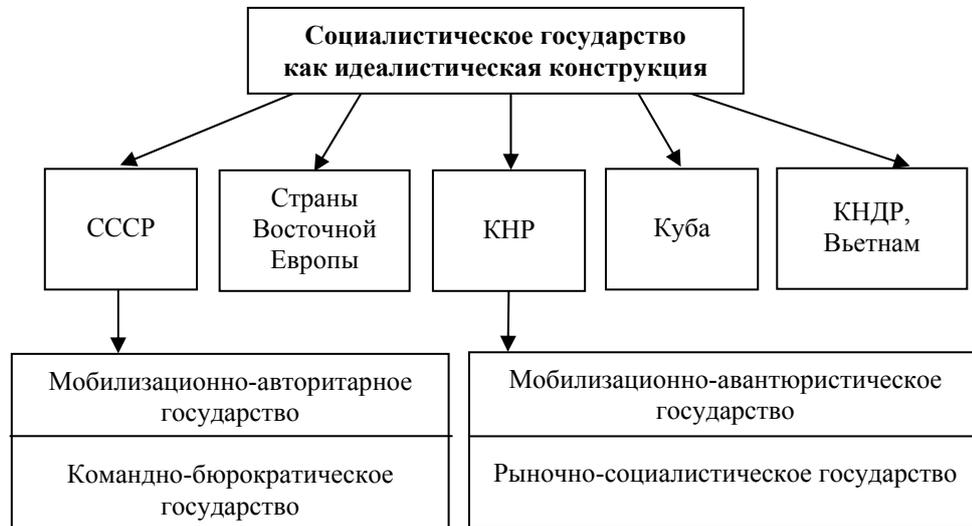

Рис. 5. Модели социалистического государства

Подобный подход, как нам кажется, позволяет избежать прямолинейных оценок и в чем-то приблизить типологический подход к многообразию цивилизационного подхода, но без излишних крайностей преувеличенного отношения к культурно-историческим факторам. Последние, разумеется, играли весьма существенную роль в развитии цивилизации, но без природно-климатических (геополитических), экономических и социально-политических факторов они, безусловно, не имели значения.

Список литературы

1. **Ромашов, Р. А.** Теория государства и права / Р. А. Ромашов. – 2-е изд. – СПб., 2010.
2. **Марченко, М. Н.** Проблемы общей теории государства и права : учебник : в 2 т. / М. Н. Марченко. – М., 2007. – Т. 1. Государство.
3. История Древнего мира. Ранняя древность. – М., 1989. – С. 81–83.
4. **Кошеленко, Г. А.** О некоторых проблемах становления и развития государственности в Древней Греции / Г. А. Кошеленко // От доклассовых обществ к раннеклассовым. – М., 1987.
5. История Древней Греции / под ред. В. И. Кузицина. – М., 1996.
6. История Древнего Рима / под ред. В. И. Кузицина. – М., 1993 – С. 31–32
7. **Евсеев, Т. П.** От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье / Т. П. Евсеев. – СПб., 2005. – С. 139–200.
8. **Андерсон, П.** Родословная абсолютистского государства / П. Андерсон. – М., 2009.
9. История Европы XVIII века. – М., 1994. – С. 358–359.

Саломатин Алексей Юрьевич

доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии
и основ права, руководитель Центра
сравнительно-правовой политики,
Пензенский государственный
университет, действительный член
Академии политической науки

E-mail: valeriya-zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yuryevich

Doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of political science
and law foundations, director of the Center
of comparative legal policy, Penza State
University, full member of the Academy
of political science

УДК 327

Саломатин, А. Ю.

Проблема эволюции типов и форм государства в курсе «Теории государства и права» (сравнительный анализ моделей государственного развития) / А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 18–27.